

Пугалушка (рассказ)¹

Баба Маня в то лето страдала от нашествия ворон. Вообще, каждое лето у нее была своя, особенная напасть. Мелких бед и неприятностей – то у козы на вымени что-нибудь вскочит, так что и доиться не подпускает; то кочаны меньше свеклы уродятся; то с подругой, живущей на соседней улице, рассорятся, – вот этого у нее каждое лето было хоть отбавляй. (Надо сказать, что баба Маня давно уже мерила годы свои исключительно летними сезонами). А вот особенная напасть, – та, которая вспоминалась ею вплоть до следующего урожая, – была всегда одна. И вот на борьбу с нею-то старушка бросала все свои не Бог весть какие силы, весь свой богатый жизненный опыт и «арсенал». В качестве последнего нередко выступали советы всё той же подруги – тётки Кати с Выселок (так называли одну из улиц их села)...

В Малый Стан всегда слеталось много упомянутой черной птицы, но нынешним летом воронье и впрямь оккупировало всё село, – как будто пришли «последние времена».

– Не иначе согрешил кто-нибудь! – предположила один раз (словно ненароком) тетя Катя. Баба Маня немедленно загорелась этой мыслью.

– Да чё тут думать-то-гадать! А про Верку-то, Тонькину дочку, слыхала?

Тётя Катя так и встрепенулась: ну, как же, ей ли не слышать – они с Тонькой Лопатиной раньше-то за коренных подруг почитались! Вместе в первые два класса бегали, а там и бросили: у одной ходить не в чем было, а у другой брательник народился: не до учёбы.

Однако же чтобы обновить, так сказать, впечатление, тётя Катя тут же сказала несведущей. Подруга будто только этого и дожидалась и принялась передавать ей и в самом деле занимательную историю про Веру, которая не

¹ *Впервые опубликовано: Карамзинский сад. Ульяновск, 2011. №2. С. 115-120.*

так давно закончила молочный техникум в райцентре и, вернувшись, – красавица красавицей! – так вскружила голову парням из своего и окружающих сел, что те даже дрались за неё! Иными она осуждалась, но многие все-таки любили ее за добрый, в общем-то, характер и всегдашнюю готовность помочь.

Так вот. С месяц назад в Малый Стан вернулся с армии Толька – двоюродный Веркин брат. А та – как доподлинно было известно со слов других бабе Мане – взяла да и влюбилась в него без памяти!

Понятное дело, пересудов было много: всё-таки «грех непрощённый», – кровь-то своя! Отец-то Толькин – брат родной Веркиному «папаке» (это она так сама величала своего родителя с самого детства).

И вот надо же – брякнула тогда баба Маня про Веркин грех да про воронье, а тётя Катя возьми да и разнеси про то по всему селу! Да не про то, что Верка с Толькой бегают, – о том и без того, у кого не бельма вместо глаз, знали-ведали, а вот именно про грех-то непрощённый: мол, навлекла девка своим непотребством вороньё на весь Стан!

Ну, да ладно. Посудили-поговорили, – да только вот кто ж знал-то, что Верка поймет, откуда ноги у этой выдуманной «приметы» растут. Встретила она бабу Маню раз у колонки, сверкнула на нее черными глазищами и пошла прочь.

– Ага, не поздоровкалась даже! – это уж старушка подруге своей докладывала.

– А ты ее, Егоровна, и не бойся! Хоть про Тоньку, мать-то ее, сказывали, что «знает» она, а ты ей фигу покажь да молитву «Богородицу» иль «Да воскреснет Бог» задвинь! Она враз отстанет!

– Да я так, так и сотворила, – отвечала баба Маня. – Тут же ей кукиш в кармане показала!

– Оно и ладно, оно и хорошо! – с одобрением качала головой подруга с Выселок.

Она же посоветовала Егоровне и хорошее средство от воронья.

– Ты, – говорит, – пугалушку поставь. Обряды во что-нибудь поярше, они вмиг забудут дорогу! – и даже вызвалась помочь старушке, поскольку сама была на три года моложе бабы Мани и считалась еще «в силах».

Исполнили задуманное ближе к вечеру следующего дня: получилась знатная «барыня», как величали пугало совсем развеселившиеся бабушки (тетя Катя принесла с собой немного плодовой наливки с прошлого года, так что всё, «как на грех», склоняло к хорошему настроению).

Пугалушку обрядили в старую красную юбку и зеленую кофту хозяйки огорода, – из тех вещей, которые, как говорила сама баба Маня, давно пора было бы на тряпки пустить, да всё как-то некогда да недосуг.

Уже на следующий день, смотря на развевающуюся, как советский флаг, юбку огородной «барыни», старушка с торжеством отмечала, что тётя Катино средство работает: воронье, завидев странную фигуру, опасливо садилось на соседние участки.

Конечно, дня через три-четыре ее победа перестала бы быть столь безоговорочной: птицы быстро привыкли бы и полонили многострадальный огород вновь. Однако еще до этого момента приключилась история, благодаря которой баба Маня и думать забыла о пугалушке...

Как назло тётя Катя расхворалась – да так, что Егоровна, узнав об этом, решила в ближайшие дни сама доковылять до ее избы, – хотя в последние годы она совсем слаба стала на ноги и старалась далеко не ходить.

И надо же такому случится, что как раз в это время ни с того ни с сего пожаловала к бабе Мане тетя Тоня Лопатина с Новой улицы. Они хоть и не были никогда подругами, но и не враждовали больно никогда. Стоит сказать, что Лопатина была лет на пять постарше Егоровны, но при всем том могла и сейчас без труда отмотать из одного конца Стана в другой – и даже не задохнуться! Сухопарая, подтянутая, как совхозная лошадь, на которой последние лет десять собирали по селу молоко, тетя Тоня вызывала своим трудолюбием и энергией искреннее уважение даже у недоброжелателей.

Баба Маня приняла ее с церемониями, напоила чаем с медом (дело уже шло к полудню). Егоровна мимоходом узнала у гостыи последние новости и главное: привезли ли хлеб, – и собиралась уж сходить, было, в шабры, чтобы попросить соседского мальчишку сбегать ей за буханкой-другой, но тут Лопатина наконец не выдержала и – как с места в карьер – перешла к сути.

Баба Маня от удивления и думать забыла о хлебе.

– Ты, говорят, Егоровна, слухи разные о моей Верке распускаешь? – с достоинством осведомилась тетя Тоня, отставляя от себя чашку с допитым чаем.

– Да что ты, что ты, грех-то какой! – залепетала баба Маня.

– Не отказывайся, Егоровна: про вороньё-то всё село гудит – твоих рук дело? Да и Сильвестрова тётъ Катя, кажись, пособляет?

Баба Маня в ответ только руками замахала...

– Так вот знай, – продолжала неумолимая Лопатина, – я этого не допущу. Девка у меня выросла, никогда себе ничего не позволяла этакого, чтобы про нее всякую дрянь калякать!

– Да ведь грех-то какой: Толька-то!.. – забормотала совсем оробевшая Егоровна. Перед глазами ее вереницей вдруг замелькали все те, кого, как поговаривали, испортила тетя Тоня. (На самом деле баба Маня слышала в точности лишь о Лопатине дядь Пете: якобы мужа-то своего тетя Тоня и сглазила года два назад; тот, недолго думая, зачах у нее на руках прошлогодней зимой).

– Не тваво ума дело! – отрезала Лопатина, поднимаясь из-за стола. И уже стоя на пороге, она, немного поколебавшись, обернулась к хозяйке и выложила свой последний козырь:

– И что б ты там ни делала по ночам, что бы ни выдумывала – не выйдет у тебя ничего! Ведьма ты, тьфу на тебя! – и вышла.

– Я?! – переспросила совсем обезумевшая баба Маня. Но переспрашивать уже было некого: сухопарая тетя Тоня успела проскочить

двора три, прежде чем пришедшая в себя Егоровна выбежала на крыльцо и возопила на всю улицу, задыхаясь от гнева:

– Это я ведьма? Я – по ночам? Да ты сама – колдунья, мужа сваво... Да ты... – в общем, расстались совершенными врагами.

Целых два часа после визита гостя с Новой улицы старушка не могла успокоиться: пила валидол, корвалол и еще какие-то плохо идентифицируемые настойки. Затем в третьем часу, набравшись решимости, она пустилась в сторону Выселок.

Доковыляв за сорок минут до избы подруги, она нашла Сильвестрову спящей на черном старом диване, доставшемся ей от брата – зама какого-то зама из райцентра.

Дед Иван, муж тети Кати, отсоветовал ее будить.

– Тридцать восемь и пять – температура у ней, – авторитетно объявил он задохнувшейся от ходьбы старушке. – Настю, мёдсёстру вызывали: велела ей спать, укол вколола!

Посидев еще с полчаса и так и не дождавшись пробуждения подруги, Егоровна заковыляла назад: «С дедом Сильвестровым всё равно кашу не сварить: бестолковый он на разговор мужик», – решила она про себя.

Зайдя по дороге в соседи, она узнала, что за хлебом посылать уж поздненько и, совсем расстроившись, едва добрела до своей избы.

Вся эта беготня, однако ж, как ни странно, немного успокоила ее, и она наконец-то смогла трезво поразмыслить по поводу странных слов разозленной Лопатиной.

– По ночам? Да что я делаю такое по ночам? – вдруг снова начала заводится она, вспоминая неожиданную сцену у порога. – Ведь придумала всё, курица мокрая! И разнесет ведь по околотку небылицу, ославит на весь Стан!

Егоровна даже всплакнула, а затем решила-таки отвести душу в разговоре с Галиной Ивановной – старушкой восьмидесяти лет, бывшей

школьной техничкой, которая жила в соседях с бабой Маней у своей пятидесятилетней дочери-вдовы.

Наталья, дочка-то эта, недолюбливала Егоровну за какие-то давние обиды, потому баба Маня ходила к ним нечасто. Но тут был исключительный случай: не Расскажи она о случившейся несправедливости – быть бессонной ночи сегодня...

Открыла ей Наталья – и во взгляде ее, помимо обычной гордости и вечного недовольства, вдруг почудилось Егоровне и нечто новое, небывалое, настороженное.

– Ты к матери, что ль? Спит она! – такими неприветливыми словами встретила старушку пятидесятилетняя вдова, еще сохранившая свою былую красоту. И даже начала затворять дверь, словно пытаясь выдавить бабу Маню с крыльца.

– А я... я к тебе! – неожиданно нашлась Егоровна.

– Ко мне? – искренне удивилась Наталья и, будто не хотя, впустила гостью.

Баба Маня, еще не присев, разговорилась с негостеприимной хозяйкой про засушливое лето, потом перешли на проклятое воронье, а затем – слово за слово – и Егоровна выложила всю историю с приходом Лопатиной.

– Ведьмой меня обозвала, а сама мужа-то сваво со света сжила! – почти торжествующе заключила старушка. – И, знаешь, ведь чего наплела: будто я по ночам делаю что-то, мол! Представляешь?

Тут Наталья вздрогнула и вдруг брякнула:

– А ведь делаешь, тётъ Мань! Ей-Богу, сама видала третьего дня. И вчерась снова!

– Да ты чё?! – старушка оторопела и стала креститься.

– А по ночам-то? Чего ты шляешься по огороду? И разодетая, как японский городской!

– Это я-то? Я-то?!

– Да ты-то! Ты-то! И не ори больно-то, а то мать разбудишь! – Галина Ивановна действительно завозилась в зале на кровати с пружинами.

Старушка в слезах кубарем выкатилась от соседки и сама не могла вспомнить, как снова очутилась в своей избе.

– Да что же это? Как же это? – она совсем, было, растерялась, приняла еще каких-то капель на спирту, похлебала щец и забылась беспокойным сном.

Проснулась она в необычное для себя время – часу во втором ночи. Единственный на всю улицу фонарь, висевший через два дома на противоположном порядке, освещал неровным светом окна зала, где прикорнула Егоровна. Она, не зажигая лампу, шагнула поправить занавеску, и тут взгляд ее упал на огородную темень, которую едва-едва разбавлял тусклый круг от фонаря.

Старушка чуть не присела от испуга, увидев на своем участке чью-то большую фигуру. С холодом во всем теле, она начала судорожно вспоминать, заперла ли она входную дверь на крючок. Баба Маня ни за какие блага на свете не выглянула бы еще раз в окно в ту ночь, но почему-то почудилось ей в увиденной фигуре что-то женское. «Уж не Лопатина ли?» – подумала она почти с ужасом.

Собрав остатки смелости, старушка дрожащими руками отодвинула кружевную, доставшуюся от матери занавеску и взглянула еще раз на огород. Как нарочно дунул ветер, блеснул свет от уличного фонаря и...

И затем в одинокой избе старой вдовы, которая уже лет 10 куковала одна-одинёшенька (сын не подавал о себе знать уже который год сряду), случилось настоящее чудо: Егоровна, стоя в темноте, до слез смеялась на свою огородную пугалушку, – смеялась почти молодым, счастливым смехом.

Затем она, так и не включив лампу, забралась под одеяло, побряхтела по-стариковски, перекрестила зевнувший рот и до утра проспала сном праведницы.

А наутро, выдернув пугало из земли, пошла мириться к соседке, хохотать и пить плодovou наливку к почти оправившейся тете Кате и разносить забавную историю по селу.

Недели через три пришла мириться и Лопатина, притом звала бабу Маню на свадьбу дочери: та и впрямь выходила замуж за Тольку, да не за того, а за другого – «Мишенькиного сына», такого же белобрысого и разбитного, как и двоюродный Веркин брат, – из соседнего села.

Баба Маня, посмеиваясь, приглашение приняла: «Все-таки без колдуньи и свадьба – не свадьба!». Лопатина улыбалась, ходила смотреть на пугалушку, которую баба Маня показала уж половине Стана, а сама, как говорила потом про нее Егоровна, – ушла «всё себе на уме».

– Всё-таки я ей нет-нет, да про себя фигу и покажу, – признавалась она иной раз подруге с Выселок.

– И правильно делаешь, – одобрительно кивала в ответ тетя Катя. – Правильно делаешь...